

Религиозное западничество Владимира Забугина

К.В. Ворожихина

Институт философии РАН

109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, Россия

k.vorozhikhina@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследовательскому и публицистическому творчеству русско-итальянского ученого Владимира Николаевича Забугина (1880–1923), которое рассматривается в контексте течения религиозного западничества, представители которого считали римскую церковь основой европейской цивилизации и видели в католичестве социальную силу, способную стать проводником «христианской политики» в России. Истоки этого направления восходят к П.Я. Чаадаеву, в «Философических письмах» которого религиозное западничество впервые получило теоретическое оформление, и деятельности «первого русского иезуита» И.С. Гагарина, руководившего на практике историософскими представлениями «басманного философа». В статье показано, как историософская и социальная мысль Забугина двигалась в русле этого идейного течения: центральной темой его исследовательских и публицистических работ была проблема поиска оснований единства восточной и западной культур, православия и католичества; отмечены различия оценок наследия Византии в статьях Забугина и сочинениях других русских (фило)католиков (П.Я. Чаадаева, И.С. Гагарина, В.С. Соловьёва), а также ограниченность подхода ученого к проблеме церковного разделения (прежде всего – недооценка богословских и догматических расхождений). Проанализирован вклад Забугина в дело примирения церквей, который связан с его деятельностью в журнале «Roma et l’Orient»

(«Рим и Восток») в качестве редактора и автора статей. В исследовании рассмотрены социальные взгляды ученого, нашедшие отражение в его книге о русской революции «Il gigante folle» («Безумный исполин»), написанной под впечатлением от поездки в Россию в 1917 г. Будучи последовательным католиком, Забугин видит решение социальных вопросов в духе энциклики папы Льва XIII «*Retum Novarum*» – в христианском братстве и милосердии.

Ключевые слова: религиозное западничество, русский (фило)католицизм, И.С. Гагарин, В.С. Соловьёв, «Рим и Восток», В.Н. Забугин, П.Я. Чаадаев, русская революция, большевизм, христианское единство

Для цитирования: Ворожихина К.В. «Религиозное западничество Владимира Забугина». *Историко-философский ежегодник* 39 (2024): 211–235.

Поступила в редакцию: 01.07.24

Принята к публикации: 23.09.24

Religious Westernism of Vladimir Zabugin

Ksenia V. Vorozhikhina

RAS Institute of Philosophy

109240, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, Russia

x.vorozhikhina@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the research and journalistic work of the Russian-Italian scholar Vladimir Nikolaevich Zabugin (1880–1924), which is considered in the context of religious Westernism, a social movement that considered the Roman Church to be the basis of European civilization and saw in Catholicism a social force capable of becoming a conductor of “Christian politics” and transform society and the church in Russia. The origins of this trend go back to the ideas of P.Ya. Chaadaev, in whose *Philosophical Letters* religious Westernism first received theoretical form, and the activities of the “first Russian Jesuit” I.S. Gagarin, who was guided in practice by the historiosophical ideas of the “Basmanny philosopher”. The article shows how Zabugin’s historiosophical and social thought moved in line with the ideas of Russian Catholicism: the central theme of his research and journalistic works was the problem of finding

the foundations of the unity of Eastern and Western cultures, Orthodoxy and Catholicism, and points out the difference in assessments of the heritage of Byzantium in Zabugin's articles and the writings of other Russian (philo)Catholics (P.Ya. Chaadaev, I.S. Gagarin, V.S. Solovyov), as well as the limitations of the scholar's approach to the problem of church division (primarily underestimation theological and dogmatic differences). Zabugin's contribution to the reconciliation of churches is analyzed, which is associated with his activities in the magazine *Roma et l'Oriente* (*Rome and the East*) as an editor and author of articles. The paper also examines Zabugin's social views, which are reflected in his book on the Russian revolution *Il gigante folle* (*The Mad Giant*), written on the basis of impressions from a trip to Russia in 1917. Being a consistent Catholic, Zabugin sees the solution to social issues in the spirit of Pope Leo XIII's encyclical *Rerum Novarum*, i.e. in Christian brotherhood and charity.

Keywords: religious Westernism, Russian (philo)Catholicism, I.S. Gagarin, V.S. Soloviev, "Rome and the East", V.N. Zabugin, P.Ya. Chaadaev, Russian revolution, Bolshevism, Christian unity

For citation: Vorozhikhina, Ksenia V. "Religious Westernism of Vladimir Zabugin." *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 39 (2024): 211–235. (In Russian)

Received: 01.07.24

Accepted: 23.09.24

В статье, написанной для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, В.С. Соловьёв, говоря о западничестве (под которым понимал «направление <...> общественной мысли и литературы, признающее духовную солидарность России и Западной Европы как нераздельных частей одного культурно-исторического целого, имеющего включить в себе всё человечество»¹), выделял в его развитии *теократический* «фазис», связанный с рецепцией католических идей русскими религиозными мыслителями, философами и общественными деятелями. Филокатолический мотив, по мнению Соловьёва, заметнее всего проявился в творчестве П.Я. Чаадаева. Г.В. Флоровский

¹ В.С. Соловьёв, *Собрание сочинений*, т. XII (Брюссель: Жизнь с Богом, 1969), 582.

считал автора «Философических писем» основоположником религиозного западничества; Н.А. Бердяев ставил рядом с Чаадаевым фигуру В.С. Печерина; по мнению А. Валицкого, ярчайшими представителями этой традиции русской мысли являются И.С. Гагарин и В.С. Соловьёв². В русле религиозного западничества развивались социальные и историософские взгляды русско-итальянского ученого-гуманитария и мыслителя В.Н. Забугина, находившегося под сильным влиянием Соловьёва и его представлений о христианском единстве.

В дореволюционной России католицизм рассматривался как оппозиция по отношению к господствовавшей церкви, а переход православного в католичество был вызовом, но не русской церкви, а самодержавной власти, подчинившей себе церковь. Для тех русских, кто решался на обращение или питал «католические симпатии», сущность папской власти виделась в защите духовной свободы, а соединение восточной и западной церквей средством спасения православия, а также – либерализации и христианизации социальных институтов.

П.Я. Чаадаев, в «Философических письмах» которого религиозное западничество получило теоретическое оформление, видел в католицизме социальную силу, способную привести народы к единству и являющуюся залогом установления «идеи долга, справедливости, права, порядка»³ и «совершенного социального строя на земле» – Царства Божьего⁴. Эти идеи были восприняты И.С. Гагариным, полагавшим, что Россия должна обратиться в католичество для преодоления существующего религиозного и политического кризиса. В своем программном труде «La Russie sera-t-elle catholique?»⁵ (1856) Гагарин рассуждал о результатах воссоединения русской церкви с римской: «Просвещение, правосудие и милость, законодержавие,

² А. Валицкий, *Россия, католичество и польский вопрос* (М.: Издательство Московского университета, 2012), 6–7.

³ П.Я. Чаадаев, *Избранные сочинения и письма* (М.: Правда, 1991), 29.

⁴ Чаадаев, *Избранные сочинения и письма*, 34.

⁵ Сочинение Гагарина было переведено о. И.М. Мартыновым на русский язык и в 1858 г. опубликовано под заглавием «О примирении русской Церкви с римской» (Париж: А. Франк, 1858).

общественная нравственность и, как основание этого, вера, озаряющая умы и укрепляющая сердца»⁶ обещаны не тому народу, кто рабски подражает европейским обычаям и учреждениям, не тому, кто осуществит поддельный возврат к полубразованному быту предков (за что якобы ратовали славянофилы), но тому, кто сможет согласовать требования «всесторонней гражданственности» с запросами народного духа. По мнению князя Гагарина, перемены в русской жизни могли произойти лишь в случае внутреннего изменения, а именно религиозного примирения национального духа с истинным началом всемирной (т.е. европейской) цивилизации – католичеством. Он полагал, что Россия должна вернуться к своему католическому прошлому – досхизматическому христианству Киевской Руси⁷ (об этом же напишет В.С. Соловьёв в работе 1888 г. «Saint Vladimir et l'État Chrétien» («Владимир Святой и христианское государство»)), и вновь стать уважаемым членом Вселенской церкви и европейского сообщества; при этом Гагарин подчеркивал важность сохранения византийского обряда, идентичности и структуры восточной церкви⁸ (примирение церквей для него было возвращением к первоначальному, еще не до конца утраченному единству церкви, а не поглощением русской церкви и ее латинизацией).

По мнению Гагарина, русская православная церковь бесцельна стать основой общественной жизни, она утратила свой авторитет, поскольку ослаблена и унижена государством, отчаянно пытающимся отсрочить революционный взрыв. Он был убежден, что Россия стоит перед выбором: либо революция, имеющая антикатолический характер, либо католичество, антиреволюционное по своей сути⁹, – «такова дилемма, грозно

⁶ И.С. Гагарин, *О примирении русской церкви с римской* (Париж: А. Франк, 1858), 3. Подобное подчеркнутое требование опоры общественного порядка на католическую веру является требованием «христианской политики», о которой впоследствии будет писать Соловьёв.

⁷ Гагарин, *О примирении русской церкви с римской*, 42.

⁸ Гагарин, *О примирении русской церкви с римской*, 10–14.

⁹ См. Гагарин, *О примирении русской церкви с римской*, 74.

стоящая за каждым вопросом в России»¹⁰. Гагарин и его сторонники – группа «версальских иезуитов» (И.М. Мартынов, Е.П. Балабин, П.О. Пирлинг и др.), считали, что русская церковь нуждается в независимости, однако едва ли она сможет стряхнуть с себя государственный гнет собственными силами, и поэтому неременным условием ее свободы является примирение с главой римской церкви. Они настаивали на разделении светской и духовной властей, на ограничении царских полномочий в духовной сфере¹¹, что повлечет за собой, по их мнению, возвращение достоинства и свобод русскому духовенству, соответствующих его высокому предназначению¹². С церковной и богословской точки зрения воссоединение церквей не имеет непреодолимых препятствий¹³, главным затруднением является мирская власть¹⁴: по сложившейся в Византии и унаследованной Московской Русью традиции, церковь покорна «мановению мирского главы» и «духу народности»¹⁵, что ослабляет ее связь со Вселенской церковью. Для описания подобных отношений между церковью и государством, которые являются специфическими для восточных церквей, Гагарин использовал понятие «византизм»¹⁶.

С продолжателями дела Гагарина активно сотрудничал Соловьёв во время работы над своим главным сочинением о теократии и воссоединении церквей «*La Russie et l'Église Universelle*» («Россия и Вселенская церковь», 1889), которое стало кульминацией филокатолических настроений философа. Соловьёв консультировался с отцами-иезуитами П. Пирлингом и И. Мартыновым, отправлял им первые страницы своего французского трактата и до определенного момента старался не пренебрегать их советами¹⁷.

¹⁰ См. Гагарин, *О примирении русской церкви с римской*, 71.

¹¹ См. Гагарин, *О примирении русской церкви с римской*, 69.

¹² См. Гагарин, *О примирении русской церкви с римской*, 95.

¹³ См. Гагарин, *О примирении русской церкви с римской*, 68.

¹⁴ См. Гагарин, *О примирении русской церкви с римской*, 69.

¹⁵ Гагарин, *О примирении русской церкви с римской*, 35.

¹⁶ См. Гагарин, *О примирении русской церкви с римской*, 35.

¹⁷ Соловьёв писал Пирлингу: «С моей стороны было бы совершенно нелепо печатать о соединении церквей что-нибудь такое, что не одобрялось бы

Согласно Соловьёву, Российская империя должна взять на себя миссию воссоединения церквей, благодаря чему она может стать вселенской монархией, реализующей христианскую и одновременно либеральную политику, не допускающую каких-либо форм национального, религиозного или гражданского угнетения. Соловьёв выступал против разрушения греко-униатской церкви, против политики русификации Польши, боролся с притеснением евреев¹⁸. Философ развивал идею о том, что всемирная церковная монархия призвана осуществить принцип «социальной троицы» – единства священника, царя и пророка, приближая таким образом тотальное переустройство мира посредством полного и окончательного воплощения Софии Премудрости Божией¹⁹:

Социальная Троица Вселенской церкви есть развитие и раскрытие церковной монархии, содержащей в себе всю полноту мессианской власти, раскрывающейся в трех формах церковного главенства. Как и в Божестве, единство Вселенской церкви ограждено: во-первых, безусловным первенством первой из этих трех властей – первосвященства, которое есть единственное главенство, прямо и непосредственно установленное Богом и, следовательно, с точки зрения права, причина и необходимое условие двух других; во-вторых, существенной общностью этих трех властей, поскольку они содержатся в едином теле Христовом, участвуя в одной религиозной субстанции – единой вере, едином предании, единых таинствах; в-третьих, нравственной солидарностью или общностью цели, которая, для всех трех, должна быть – пришествие царствия Божия, совершенного проявления Вселенской церкви²⁰.

Этот труд Соловьёва, в котором, как писал митрополит Антоний (Храповицкий), «прежние папистические сомнения»

представителями католической церкви» (В.С. Соловьёв, *Письма*, т. IV (СПб.: Общественная польза, 1911), 150–151).

¹⁸ См. В.С. Соловьёв, *Собрание сочинений*, т. XI, 109–110.

¹⁹ См. Соловьёв, *Собрание сочинений*, т. XI, 307, 308.

²⁰ Соловьёв, *Собрание сочинений*, т. XI, 329.

философа «достигли степени уже самого чистокровного ультрамонтанства»²¹ и в котором Соловьёв принимает католические догматы *filioque* и о непорочном зачатии Девы Марии, а папа признается непогрешимым органом божественной истины, – в конечном итоге получил отрицательную оценку русских иезуитов. О. Пирлинг заявил Соловьёву, что не будет принимать участия в издании его книги из-за различия взглядов²²: иезуитов отпугнул мистицизм Соловьёва и его софиологические идеи, сконцентрированные в 3-й заключительной книге «России и Вселенской церкви»²³. Сочинение Соловьёва было расценено ими как теософско-гностическая ересь.

Несмотря на очевидные расхождения с русскими иезуитами, Соловьёв был согласен с Гагариным и его последователями в том, что историческое призвание России состоит в воссоединении церковей под водительством Рима, что благодаря примирению с католической церковью страна станет частью Европы, сможет избежать революции и разрешить польский вопрос; воссоединение сделает возможным введение в России правопорядка, а также укрепит империю Романовых на твердой религиозно-моральной основе²⁴.

Соловьёв стал важнейшей фигурой для русских католиков²⁵, являясь, по-видимому, одним из самых известных в России и успешных проповедников идеи церковного единства. Он настойчиво и последовательно доказывал, что обращение в католичество или католические симпатии не тождественны измене России и вероотступничеству, что можно соединить

²¹ Антоний (Храповицкий, митрополит) «Превосходство православия над учением папизма в его изложении Вл. Соловьёвым», в *Собрание сочинений*, т. 2 (М.: ДАРЪ, 2007), 230.

²² См. Соловьёв, *Письма*, т. IV (Петербург: Время, 1923), 38.

²³ Соловьёв сообщал А.А. Фету в письме: «...мои приятели иезуиты сильно меня ругают за вольнодумство, мечтательность и мистицизм» (Соловьёв, *Письма*, т. IV, 121).

²⁴ См. Валицкий, *Россия, католичество и польский вопрос*, 71.

²⁵ Самоназвание конвертантов рубежа XIX–XX вв., фигурирующее в воспоминаниях кн. С.М. Волконского (С.М. Волконский, *Мои воспоминания*, т. II (М.: Искусство, 1992)).

патриотизм и русский мессианизм с католическим вероисповеданием. Несмотря на резкую критику трактата Соловьёва последователями князя Гагарина, идеи философа имели значительное влияние в среде католиков восточного обряда: униатский митрополит Андрей Шептицкий, считавший греко-католиков главной силой в деле примирения православной и католической церковью, о. Леонид Фёдоров, о. Иоанн Дейбнер, о. Николай Толстой, о. Сергей Соловьёв, В.В. Балашов, В.Н. Забугин и др. были знакомы с прокатолическими сочинениями Соловьёва; некоторые из них не только впитали идеи философа, но и подпали под его личное обаяние благодаря более-менее регулярному и дружескому общению с ним.

В начале 1887 г. княгиня Е.Г. Волконская, при финансовой поддержке которой в 1886 г. в Загребе был опубликован труд Соловьёва «История и будущность теократии», задала философу вопрос о том, какие меры должны быть приняты, чтобы дело примирения церковью сдвинулось, наконец, с мертвой точки. Ответ Соловьёва предусматривал план, состоящий из двух пунктов: отмены уголовных законов, карающих переход из православия в иное вероисповедание, и упразднение духовной цензуры²⁶.

Владимир Забугин – русский католик

При папе Пие X (1903–1914) начался новый этап подготовки к воссоединению церковей: в это время не появилось важных унионистских документов, не проводились встречи и конгрессы, однако была переосмыслена миссионерская роль духовенства, стало уделяться больше внимания менее заметной, но конкретной работе, а не торжественным заявлениям и утопическим проектам в духе Соловьёва. Как отмечает А. Тамборра, Пий X, по всей видимости, стремился к тому, чтобы закрепить результаты, достигнутые во время понтификата Льва XIII. Хотя новый папа «не показал себя энтузиастом восточных дел»,

²⁶ См. Василий Бурман, диакоп, *Леонид Фёдоров: Жизнь и деятельность* (Рим: Б.и., 1966), 358.

он, по мнению настоятеля Гроттаферратской лавры Арсенио Пеллегрини,

в свой краткий, но насыщенный понтификат <...> не только усердно трудился на пользу восточных церквей, но и предпринял много дел, равные которым совершались в истории церкви очень и очень редко²⁷.

Частью нового подхода Ватикана к воссоединению церквей стало издание книг и журналов, посвященных изучению православного мира.

Именно в таком направлении работал русский ученый-конвертант Владимир Николаевич Забугин. Совместно с о. Арсенио Пеллегрини Забугин участвовал в журнале «Roma e l'Oriente» («Рим и Восток»), выходявшего с подзаголовком «Rivista criptoferratense per l'unione delle chiese» («Криптоферратский журнал объединения церквей») с 1910 по 1921 г. Программа этого периодического издания была сформулирована Забугиным следующим образом:

Рассеять недоразумения, мрак невежества, лукавства, ревности, неистовых страстей в мягком и миролюбивом свете беспристрастной истории <...> которая не может быть ни греческой, ни латинской, но лишь только истинной или ложной, – вот наша первая и наивысшая обязанность. Чтобы суметь полюбить, мы должны узнать друг друга; чтобы узнать друг друга, мы должны говорить на одном языке и пользоваться понятиями с одинаковым значением <...>. Пришло время говорить с греками по-гречески, а со славянами – по-славянски, стараясь приспособиться к их мировоззрению, и в то же время сохранять истину и главные принципы, на которых она основана²⁸.

На страницах журнала намеренно не обсуждались национальные и политические вопросы, только усложнявшие и затем-

²⁷ Цит. по: Анджело Тамборра, *Католическая церковь и русское православие. Два века противостояния и диалога*. (М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007), 411.

²⁸ Тамборра, *Католическая церковь и русское православие*, 414.

нявшие религиозное понимание проблемы церковного единства; целью журнала было

конфессиональное сближение католиков и православных посредством проникновения в историю, культуру, искусство и богослужебные практики друг друга²⁹.

В архиве греко-католического митрополита Андрея Шептицкого сохранился черновик перевода статьи Забугина об особенностях почитания Тайн «восточниками» из журнала «Roma et l’Orient», сделанный о. Леонидом Фёдоровым в 1912 г.:

Почитание, которое мы, восточные, воздаем св. Тайнам, по благочестивым преданиям наших Отцов, совершенно внутреннее, мистическое, скрытое, субъективное. Его прогресс кроется в глубине души и христианском сознании, и потому он не может выражаться внешним развитием способов хранения св. Даров. Единственным внешним и всенародным проявлением Евхаристического богослужения является у нас литургия, где каждый раз после Причастия мы получаем благословение св. Дарами и где, всякий раз, когда служитя литургия Преждеосвященных Даров, совершается великое и торжественное Евхаристическое шествие. Наше внутреннее почитание может двигаться вперед, развиваться, совершенствоваться внутри нас; никто этого не заметит тут на земле, кроме одного Бога, скрытого в святом кивоте, в алтаре, недоступном для мирян, Бога, на присутствие Которого указывает верным только тихий свет лампы, висящей у царских врат. Так учили нас наши отцы, так мы будем учить наших детей³⁰.

Издатели журнала исходили из представления о том, что восточная и западная церкви равны между собой как сестры: они настаивали на разделении функций папы как патриарха Запада и как административного главы римской церкви, с одной стороны, и пастыря Вселенской церкви, с другой; предполагалось,

²⁹ О.И. Кусенко, «В поиске единства. Владимир Забугин о Данте, итальянских гуманистах и Византии», *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия»* 65, № 3 (2023): 117.

³⁰ Василий Бурман, *Леонид Фёдоров*, 387–388.

что такое различие гарантирует автономию греко-православной церкви. Авторы журнала надеялись на возвращение к дохизматической эпохе: они указывали на существовавшее прежде единство, которое никогда не исчезало полностью. Восток и Запад, подчеркивали они, не были окончательно отделены друг от друга.

Забугин показал себя талантливым церковным публицистом, автором статей, дающим читателям представление о культурном и социально-политическом состоянии православного и католического миров, истории их взаимоотношений в эпоху Возрождения, о религиозно-философских течениях православного мира, о богословских дискуссиях и книжных новинках. Забугин знакомит итальянскую публику с русской религиозной мыслью: в 1911 г. в апрельском номере журнала «Roma e l'Oriente» вышла рецензия на работу С.Н. Булгакова «Два града. Исследование о природе общественных идеалов» (1911); в статье «Разговор с богоискателем» (1915) он ссылается на митрополита Филарета (Дроздова), В.С. Соловьёва, о. Павла Флоренского³¹.

Владимир Забугин воссоединился с римской церковью, став католиком восточного обряда, в 1907 г. К принятию такого решения его подтолкнула энциклика папы Льва XIII «Orientalium dignitas» (1894) о важности сохранения литургического богатства восточных церквей и запрете на их латинизацию, а также знакомство с монахами-вазилианами монастыря св. Нила в Гроттаферрате. Важнейшим направлением деятельности вазилиан было развитие отношений с восточными церквами³². Особенно близок был Забугин с архимандритом Арсенио Пеллегрени и будущим экзархом русско-католической церкви о. Леонидом Фёдоровым.

От многих предшественников по религиозному западничеству Забугина отличало отношение к наследию Византии. Как справедливо отмечает О.И. Кусенко, «негативный образ

³¹ См. подробнее: О.И. Кусенко, «Владимир Николаевич Забугин – итальянский рецензент русской мысли», *Вопросы философии* 10 (2020).

³² К другому ордену вазилиан (св. Иосафата) принадлежал митрополит украинской греко-католической церкви Андрей Шептицкий.

Восточной Римской империи», «связывающий Византию и византизм с моральным разложением»³³, был закреплен в русской философии Чаадаевым; в отличие от русских (фило)католиков, Забугин стремился не культивировать антиномию Восток – Запад, а наоборот – продемонстрировать духовное родство восточных и западных христиан и найти основания для возвращения к практически утраченному единству.

В 1914 г. Забугин исследование о Юлии Помпонию Лете³⁴, единственном итальянском гуманисте, побывавшем в России, историческое сочинение которого («Цезари»), посвященное эпохе правления византийских базилевсов, стало высшей точкой «гуманистического филэллинизма»³⁵. В статье «Византийские историки и итальянские гуманисты» (1914) Забугин приводит свидетельства, опровергающие представление о непроницаемости восточной и западной культур: на основе кропотливого анализа сочинений итальянских гуманистов XV–XVI вв. он пришел к выводу о знакомстве западноевропейских ученых и исследователей с греко-византийскими источниками. Византийский период истории оказывался для некоторых из них лишь связующим звеном между империей классических цезарей и священной империей германского народа³⁶; для других – византийские василевсы являются единственными законными наследниками Цезарей старого Рима, и даже «сама папская власть» была отчасти основана «на императорских привилегиях, данных из Константинополя»³⁷.

Для подхода Забугина и его соратников-вавилонян к делу примирения церковей характерны упрощение существующего положения вещей и недооценка богословско-вероучительных

³³ Кусенко, «В поиске единства. Владимир Забугин о Данте, итальянских гуманистах и Византии», 120.

³⁴ В.Н. Забугин, *Юлий Помпонию Лэт. Критическое исследование* (СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914).

³⁵ В.Н. Забугин, «Византийские историки и итальянские гуманисты», в *Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе: К 40-летию профессор. деятельности. 1873–1913* (СПб.: Тип. акц. общ. «Брокгауз-Ефрон», 1914), 87.

³⁶ Забугин, «Византийские историки и итальянские гуманисты», 86.

³⁷ Забугин, «Византийские историки и итальянские гуманисты», 87.

расхождений Востока и Запада, касающихся прежде всего вопроса о filioque, учения о чистилище и Непорочном зачатии Девы Марии, а также отсутствие ясности в ряде других вопросов (например, «сомнение во вселенском характере соборов начинающая с VIII Вселенского и кончая I Ватиканским»³⁸), что тем не менее не помешало папе Пию X подтвердить свое доверие к журналу «Roma e l’Oriente».

Владимир Забугин и русская революция: Россия во власти идей

В 1917 г., когда в России пало самодержавие, была проведена реформа русской церкви и восстановлено патриаршество, а на фронтах Мировой войны усилились боевые действия, Забугин прибыл в Россию по официальной просьбе итальянского правительства (в лице министра зарубежной пропаганды Витторио Скалойи). Ученый объехал весь Восточный фронт с лекциями и фильмами, разъясняя позицию Италии в войне.

Пристальное внимание Забугина было направлено на религиозную ситуацию. Он ожидал многого от произошедших перемен, особенно реформ, касающихся свободы совести³⁹. Символом изменений в религиозной политике стало освобождение Временным правительством по предложению А.Ф. Керенского митрополита Андрея Шептицкого, находящегося в ссылке с 1914 г., а также открытие греко-католической часовни в Петрограде. На основе впечатлений переломного 1917 г. (Забугин был свидетелем июльского восстания, Корниловского мятежа, штурма Зимнего дворца и октябрьского переворота) Забугин

³⁸ Тамбора, *Католическая церковь и русское православие*, 418.

³⁹ Манифест 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» не принес свободы униатам: «Да, у нас действительно провозглашена свобода совести, но своеобразная. Можно, например, закладывать мечети, синагоги, протестантские молитвенные дома, можно открывать масонские ложи. В Петербурге построили даже буддийскую пагоду! Но открыть русский католический храм восточного обряда, хотя бы самую скромную домовую церковь, правительство не позволит. Тут уж ничего не поделаешь!» (цит. по: Василий Бурман, *Леонид Фёдоров*, 99).

написал «хронику русской революции» – книгу «Il gigante folle» («Безумный исполин»), которая была опубликована в 1918 г. с предисловием В. Скалойи.

Забугин описывает разложение социальных институтов в России, «сатурналии войны» и распятие русской армии, когда преданные командованием офицеры стали мучениками, жертвами солдатской черни. Он отмечает повсеместность дезертирства и уклонения от службы, ему бросается в глаза высокомерие и малодушие русской интеллигенции, не желающей проводить культурную работу в окопах: в первые дни революции эта роль была перехвачена немцами и их агентами.

Русскую революцию Забугин представляет как дьявольский карнавал, где вещи оказываются не тем, чем кажутся, как народное гуляние, ставящее всё с ног на голову, когда прежние социальные нормы, ценности, роли и статусы утрачивают свою силу и значимость. Он является свидетелем грабежей и разбоя, принявших исполинский масштаб и поистине варварский, доисторический характер, наблюдает агонию государственной власти. Общество находится в мистическом оцепенении – царят апокалиптические настроения и экзальтация, нарастают ожидания пришествия Антихриста. Ученый предвидит, что вот-вот откроется русско-русский фронт – начнется гражданская война.

За всеми потрясениями и катастрофами, внешними – социальными, историческими, и внутренними – душевными, человеческими, Забугину видится «блестящее острие пикельхельма <...>»⁴⁰, немецкого шлема с пикой – символа Германской империи. Как до революции, так и после нее Россия неизменно оказывается «под властью старых полицейских и молодых немецких лейтенантов»⁴¹. И монархическая русская партия, до войны клявшаяся в верности императору Вильгельму и видевшая в Германии монархический рай, и ее противники большевики являются сознательными или бессознательными германоманами-предателями, убежденными в тщетности военной борьбы и не верящими в возможность победы. Большевизм, с точки

⁴⁰ В.Н. Забугин, *Безумный исполин: документальная хроника русской революции* (М.: Индрик, 2024), 268.

⁴¹ Забугин, *Безумный исполин*, 302–303.

зрения Забугина, является оборотной стороной старого режима, «анархистского самодержавия»⁴², и его порождением; большевики и монархисты сближаются в своей любви к Германии и ненависти к Антанте. Кроме того, согласно наблюдениям Забугина, многие сторонники самодержавия встали на сторону Ленина в обмен на сохранение и преумножение привилегий. Обе политические группировки готовы продать Россию тому, кто больше заплатит.

Забугин отчасти симпатизирует конституционным демократам, старой интеллигентской партии, полагая, что без них новой России не обойтись, однако упрекает их в бессилии, нерешительности и излишней рефлексивности. Он пишет:

Антанте не следует идти на поводу у кадетов; они станут ее погибелью, как они уже стали бедой для Отечества. Кадетов не нужно отвергать, но горе, если им позволить хозяйничать! Всё в России должно быть сделано наново, начиная с уличного освещения и сельскохозяйственной техники и заканчивая политическим менталитетом и общественным устройством. Нужны смелые и трудолюбивые молодые люди, а не многословные профессора и адвокаты⁴³.

Ученый представляет кадетов силой, воплощающей аполлоническое начало русской революции; противоположностью им являются дионисийствующие социалисты-революционеры – старая революционная гвардия, талантливо и в меру безумствующая: «Они боролись с царизмом более полувека, упрямые, яростные, непобежденные»⁴⁴. Эсеров Забугин считает подлинно «русским идеологическим направлением»⁴⁵, которое представляет антимарксистский, антиматериалистический и антикапиталистический социализм, «обширный и туманный, подобно бескрайней русской равнине»⁴⁶, пронизательный, почти пророческий относительно предметов далеких и вместе с тем

⁴² Забугин, *Безумный исполин*, 69.

⁴³ Забугин, *Безумный исполин*, 106.

⁴⁴ Забугин, *Безумный исполин*, 76.

⁴⁵ Забугин, *Безумный исполин*, 77.

⁴⁶ Забугин, *Безумный исполин*, 77–78.

чудовищно близорукий к тому, что рядом. Пожалуй, главным положительным героем книги Забугина является Керенский, с которым он связывает будущее России: «Человек блестящего ума и непревзойденный мастер слова»⁴⁷, убежденный в своей мистико-мессианской миссии, витающий в своих нередко утопических построениях и имеющий плохое окружение и еще худших подчиненных. Керенский, по его мнению, на голову выше и последнего русского императора («Николая Кровавого»), и лидера большевиков Ленина, предавших и предающих Россию. Ленину, шарлатану и главному шуту русской революции, Забугин дает крайне нелицеприятную оценку:

Весьма некрасив, глуп, лицо лишено безмятежного и ясного сияния, характерного для почтенного Керенского, маленькие и беспокойные глазки, обидчивое своенравие, сектантское упорство⁴⁸

и, кроме того, полное отсутствие нравственного чувства. Секретом успеха Ленина является его антивоенная политика – формула хлеб и «мир любой ценой»⁴⁹ в сочетании с грубой силой, побеждающей все доводы разума. Большевики, подчеркивает Забугин, являются выразителями не национальных, но партийных интересов, которые подразумевают международную солидарность и провоцируют гражданскую войну.

Забугин обращается к России – великолепному, гротескному, наивному и преступному «Безумному Исполниту»:

Ты хочешь проповедовать абсолютное, неумолимое Равенство, но устанавливаешь социальный порядок, пронизанный кастами, привилегиями, полицейскими подозрениями и политическими преследованиями. Ты хочешь Мира, а у тебя получается война; ты хочешь Социализм, а у тебя получается тевтонская аристократия⁵⁰.

Россия больна, она гибнет, война и революция оборачиваются для нее подлинной трагедией. По мнению ученого, величие

⁴⁷ Забугин, *Безумный исполнитель*, 79.

⁴⁸ Забугин, *Безумный исполнитель*, 96–97.

⁴⁹ Забугин, *Безумный исполнитель*, 93.

⁵⁰ Забугин, *Безумный исполнитель*, 301.

и слабость России состоит в том, что она находится во власти идей и теорий; он пишет:

Теории подобны лекарствам: их воздействие зависит от дозы. Россия жестоко ими отравлена. Она ошибается, выбирая самые ядовитые, употребляя их в фантастических количествах и доверяя их дозировку слабым и неумелым людям. Россия принимает их слишком серьезно. То, что для практичного Запада служит ярким показным аперитивом, деликатесом, который подается на больших политических баталиях, для России – повседневная еда и питье... Будет ли у нее достаточно прозаического здравого смысла, чтобы составить трезвое политическое дело, лишненное предвзятой болтовни?⁵¹

Похожий «диагноз» ставил революционной России Лев Шестов. Философ считал, что как для представителей интеллигенции, так и для правящих кругов России характерны утопизм, идеализм и оторванность от действительности. Не считаясь с реальными условиями, конкретной ситуацией, они хотят творить «из ничего» божественным «да будет» – созидать идеей, словом, лозунгами и декретами, вовсе не задумываясь о том, подготовлена ли страна политически, экономически, технически и материально к изменениям. По мнению Шестова, большевики не предлагают ничего нового, паразитируют на имеющемся и являются «добросовестными хранителями истинно русских политических традиций»⁵², т.е. реакционной политики грубой силы и диктата в духе Аракчеева и Николая I. По своей природе они – идеалисты, верящие во власть слова, воспевающие насилие и попирающие свободу, которая признается буржуазным предрассудком.

Книга «Безумный исполин» представляет собой свидетельство очевидца, придерживающегося либерального направления, написанное «с нарочитым стремлением к объективности», «с тонкой иронией» и «искренним чувством». По признанию Забугина, он одинаково благосклонно относился ко всем политическим формам правления, «обеспечивающим гражданскую,

⁵¹ Забугин, *Безумный исполин*, 105.

⁵² Лев Шестов, «Что такое русский большевизм», *История философии* 8 (2001), 98.

религиозную, интеллектуальную и социальную свободу граждан»⁵³, однако склонялся к мнению, что парламентская монархия вряд ли возможна в России.

Тональность книги свидетельствует о страхе Забугина, будто бы чувствующего угрозу, нависшую над Европой, перед нарастающим германским влиянием. Он отмечает:

Германия владеет двумя ужасными орудиями. Первое – это прусский милитаризм, железная идеология, логичная, как дьявол, и ясная, как сверкающий кристалл <...>. Второе – это циммервальдский пацифизм⁵⁴, бессвязная идеология, поддерживаемая со всех сторон мысленными оговорками и мелкой ложью, подмешанной по капле в кафе и редакции газет <...>. Мы знаем, что второе орудие гораздо опаснее первого <...>. Циммервальдский пацифизм, подобно Сатурну, пожирает собственных детей⁵⁵.

Последовательный католик и либерал, Забугин был «сторонником социальных доктрин католической церкви»⁵⁶ и энциклики папы Льва XIII «*Rerum Novarum*» (1891), направленной как против социализма, марксизма и нигилизма, ведущих общество по антиклерикальному и антирелигиозному пути, так и против хищнического капитализма, основанного на алчности, конкуренции и эксплуатации и не способного позаботиться об обездоленных. Путь, указанный «социальным папой», состоял в примирении классов – в общественной программе, основанной на христианском братстве и любви, на неприкосновенности частной собственности, милосердии и благотворительности. Забугин был уверен, что гибнущий, агонизирующий «Безумный Исполин» нуждается в единственном лекарстве –

⁵³ Забугин, *Безумный исполин*, 106.

⁵⁴ На Международной социалистической конференции в Циммервальде (5–15 сентября 1915 г.), обсуждалась позиция социалистов-интернационалистов по отношению к войне и вопрос послевоенного мироустройства. Большинство участников поддержали «пацифистскую» резолюцию, предложенную Л.Д. Троцким, призывавшую к борьбе за мир без аннексий и контрибуций (См. Забугин, *Безумный исполин*, 88).

⁵⁵ Забугин, *Безумный исполин*, 369.

⁵⁶ Забугин, *Безумный исполин*, 106.

христианском милосердии, понимаемом «в самом широком, самом разумном, самом по-христиански демократическим смысле»⁵⁷:

И люди, обессиленные, униженные, дезориентированные, ищут чуда. Они видят – или им кажется, что видят, – сияющий Крест на небосводе, и они ждут Христа Судию во славе. Они видят оскверненные храмы, убитых священников, церковные сокровища, растащенные по военным автомобилям пьяными товарищами – и ожидают появления антихриста. Тот, кто среди этой апокалиптической и эсхатологической лихорадки придет, дабы принести русскому народу не холодное слово антиклерикальной демократии, но пылающее слово милосердия Христова, тот спасет Исполина. Тот, кто не чувствует в себе способности сделать это, пусть откажется от проповеди...⁵⁸

Некоторые (фило)католики надеялись, что крах русского самодержавия откроет путь для примирения церквей. Так, по мнению о. Сергия Соловьёва, когда Российская империя пала и «растаяла эта последняя тень византийской империи»⁵⁹, русская церковь должна войти в единство Вселенской церкви: это станет залогом братства народов и прекращения мировых войн. Однако позднее, в статье «Новая революционная душа России» (1923), Забугин признал, что несмотря на то, что многие в пореволюционной России симпатизируют католической церкви – как хранителю тысячелетней европейской цивилизации, другие благодарны папе за помощь в борьбе с голодом⁶⁰, революция способствовала росту «национального чувства» и «концепция “религиозного интернационала” с центром за пределами Москвы»⁶¹ не скоро станет приемлемой для России.

⁵⁷ Забугин, *Безумный исполин*, 106.

⁵⁸ Забугин, *Безумный исполин*, 108.

⁵⁹ Соловьёв Сергей, священник, *Вопрос о соединении церквей в связи с падением русского самодержавия* (М.: Московская просветительская комиссия, 1917), 9.

⁶⁰ Папская миссия помощи работала в Советском Союзе с августа 1922 г. по сентябрь 1924 г.

⁶¹ Забугин, *Безумный исполин*, 415.

* * *

После завершения русской революции, Мировой и гражданской войн в журнале «Rassegna italiana politica letteraria e artistica» (1922, Vol. IX, p. 227–232) Забугин опубликовал заметку «Т.М. Dostoievski e l'idea slava» («Ф.М. Достоевский и славянская идея»), написанную по случаю выхода «Дневника писателя» на итальянском языке. Традиционно Достоевского считают зловещим пророком, предсказавшим коммунизм, материализм и атеизм, показавшим, как идеалы свободы, человеколюбия и равенства оборачиваются политическим имморализмом, тоталитаризмом и рабством. Однако Владимир Забугин стремился показать обратное – что Достоевский ошибся в своих прогнозах.

С точки зрения Забугина-критика, Достоевский двойственен так же, как и его взгляды: с одной стороны, он здравомыслящий реалист, трезвый наблюдатель; с другой – утопист, грезы которого окрашены мессианской и апокалиптической мистикой. Забугин отмечал, что русский писатель идет по пути гегелевского схематизма, редуцирующего полноту реальной жизни и конкретных явлений к теоретическим построениям. Ученый справедливо подчеркивал (о чём нередко забывают), что Достоевский критичен не только по отношению к социализму – этому «экономическому абсурду», которой является попыткой упразднения Бога в человеческом обществе, но и к идеалам буржуазного общества с их узким эгоизмом, забвением духовных ценностей, обожествлением Мамоны и несправедливостью по отношению к обездоленным.

Конечно, объектом критики Забугина являются и антикатолические взгляды Достоевского, его негативизм в отношении римского империализма. Истинное единство для Достоевского воплощает не «католическая», а «славянская» (точнее – русская) идея: внешнему единству католичества, обеспечиваемому силой закона и власти, он противопоставляет единство внутреннее, основанное на представлении о церкви как организме: приобщаясь Телу и Крови Христовым, верующие становятся единым целым. Утверждение писателя, что римский *lex* полностью вытеснил дух милосердия и христианского смирения

из латинского менталитета, противоречит центральной идее Забугина о христианизации античного наследия: согласно Забугину, культура языческого Рима «служит» христианскому Риму, который «правит». Впоследствии он повторит этот упрек Достоевскому в «Истории христианского Возрождения в Италии» («*Storia del Rinascimento Cristiano in Italia*», 1924). Но всё же основным пунктом критики Забугина является пророческое бессилие русского романиста, «проглядевшего» возможность революционного брожения в русском демосе, и тем более – настоящую революцию. Причиной этой слепоты было наивное *славянофильское* заблуждение писателя, полагавшего, что Россия защищена от всех социальных потрясений и катаклизмов врожденной мудростью русского народа и его незыблемой связью с царем. Во власти этой роковой иллюзии находились и два последних русских императора, рубивших под корень петербургскую, т.е. имперскую, Россию.

Список литературы / References

- Антоний (Храповицкий, митрополит). «Превосходство православия над учением папизма в его изложении Вл. Соловьёвым». В *Собрание сочинений*. Т. 2, 228–255. М.: ДАРЪ, 2007.
- (Antony (Khrapovitsky, metropolitan). «[The Superiority of Orthodoxy over the Teaching of Papism in Its Presentation by Vl. Solovyov]». In [*Collected Works*]. Vol. 2, 228–255. Moscow: Dar Publ., 2007. (In Russian))
- Бурман, Василий, диакон. *Леонид Фёдоров: Жизнь и деятельность*. Рим: Б/и., 1966.
- (Burman, Basilius, diiconus. *Leonidas Fiodoroff. De vita et operibus enarrato*. Rome: N. p., 1966. (In Russian))
- Валицкий, А. *Россия, католичество и польский вопрос*. Перевод Е.С. Твердисловой. М.: Издательство Московского университета, 2012.
- (Walicki, A. *Rosja, katolicyzm i sprawa polska*. Translated by E.S. Tverdoslova. Moscow: Moscow Univ. Publ., 2012. (In Russian))
- Волконский, С.М. *Мои воспоминания*. Т. 2. М.: Искусство, 1992.
- (Volkonskii, S.M., [*My Memoirs*]. Vol. 2. Moscow: Iskusstvo Publ., 1992. (In Russian))

- Гагарин, И.С. *О примирении русской церкви с римской*. Перевод И. Мартынова. Париж: А. Франк, 1858.
(Gagarin, I.S. *La Russie sera-t-elle catholique?* Translated by I. Martynov. Paris: A. Frank Publ., 1858. (In Russian))
- Забугин, В.Н. *Безумный исполнител: документальная хроника русской революции*. Перевод А.И. Клюева, Т.В. Кудринской. М.: Индрик, 2024.
(Zabughin, V.N. *Il gigante folle: Istantanee della rivoluzione russa*. Translated by A.I. Klyuev, T.V. Kudrinskaya. Moscow: Indrik Publ., 2024. (In Russian))
- Забугин, В.Н. «Византийские историки и итальянские гуманисты». В *Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе: К 40-летию профессор. деятельности. 1873–1913*, 69–91. СПб.: Типография акционерного общества «Брокгауз – Ефрон», 1914.
(Zabughin, V.N. «[Byzantine Historians and Italian Humanists]». In *To Nikolai Ivanovich Kareev, Students and Fellow Researchers: To the 40th Anniversary of his Professorial Activity. 1873–1913*, 69–91. St. Petersburg: Brokgauz – Efron Publ., 1914. (In Russian))
- Забугин, В.Н. *Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование*. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914.
(Zabughin, V.N. *Giulio Pomponio Leto. Saggio critico*. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Publ., 1914. (In Russian))
- Кусенко, О.И. «В поиске единства. Владимир Забугин о Данте, итальянских гуманистах и Византии». *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия»* 65, № 3 (2023): 114–129.
(Kusenko, O.I. «In Search of Unity. Vladimir Zabugin about Dante, Italian Humanists and Byzantium». *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filosofiya»* 65, no. 3 (2023): 114–129. (In Russian))
- Кусенко, О.И. «Владимир Николаевич Забугин – итальянский рецензент русской мысли». *Вопросы философии*, № 10 (2020): 158–169.
(Kusenko, O.I. «Vladimir Nikolaevich Zabughin and His Italian Reviews of Russian Thought». *Voprosy Filosofii*, no. 10 (2020): 158–169. (In Russian))
- Надзаро, Антонио. «A bono in bonum. В.Н. Забугин, от “Судьбы Вергилия” до “Христианского Возрождения в Италии”». В *Россия – Италия: культурные и религиозные связи в XVIII–XX веках*, 205–224. СПб.: Алетейя, 2014.
(Nadzaro, Antonio. «A Bono in Bonum. V.N. Zabughin, from *The Fate of Virgil to a Christian Renaissance in Italy*». In *Russia – Italy:*

- Cultural and Religious Relations in the 18th–20th Centuries*, 205–224. SPb.: Aletejya Publ., 2014. (In Russian)
- Рицци, Д. «Забугин Владимир Николаевич». В *Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия*, 262–265. М.: РОССПЭН, 2019.
- (Rizzi, Daniela. «Vladimir St. Petersburg Nikolaevich Zabugin». In *Russian Presence in Italy in the First Half of the 20th Century: Encyclopedia*, 262–265. Moscow: ROSSPEN Publ., 2019. (In Russian)).
- Соловьёв, В.С. *Письма*: В 4 т. СПб.: Общественная польза, Время, 1908–1923.
- (Solovyov, Vladimir S. *Letters*: In 4 vols. Saint Petersburg: Obshchestvennaya pol'za Publ., Vremya Publ., 1908–1923. (In Russian)).
- Соловьёв, В.С. *Собрание сочинений*. Т. XI. Брюссель: Жизнь с Богом, 1969.
- (Solovyov, Vladimir S. [*Collected Works*]. Vol. XI. Bruxelles: Zhizn' s Bogom Publ., 1969. (In Russian))
- Соловьёв, В.С. *Собрание сочинений*. Т. XII. Брюссель: Жизнь с Богом, 1970.
- (Solovyov, Vladimir S. [*Collected Works*]. Vol. XII. Bruxelles: Zhizn' s Bogom Publ., 1970. (In Russian)).
- Соловьёв, Сергей, священник, *Вопрос о соединении церквей в связи с падением русского самодержавия*. М.: Московская просветительская комиссия, 1917.
- (Solovyov, Sergei, priest. [*The Question of the Unification of Churches in Connection with the Fall of the Russian Autocracy*]. Moscow: Moscow Educational Commission Publ., 1917. (In Russian))
- Тамборра, Анджело. *Католическая церковь и русское православие. Два века противостояния и диалога*. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007.
- (Tamborra, Angelo. *Chiesa Cattolica e Ortodossia russa. Due secoli di confronto e dialogo. Dalla Sana Alleanza ai nostri giorni*. Moscow: Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andreya Publ., 2007)
- Цимбаева, Е.Н. *Русский католицизм. Идея всеевропейского единства в России XIX века*. М.: Издательство ЛКИ, 2015.
- (Tsimbaeva, E.N. *Russian Catholicism: The Idea of Pan-European Unity in Russia of the 19th Century*. Moscow: LKI Publ., 2015. (In Russian))
- Чаадаев, П.Я. *Избранные сочинения и письма*. М.: Правда, 1991.
- (Chaadaev, P.Ya. *Selected writings and letters*. Moscow: Pravda Publ., 1991. (In Russian))

Шестов, Л. «Что такое русский большевизм». *История философии*, № 8 (2001): 97–121.

Shestov, Lev. «[What is Russian Bolshevism]». *Istorija Filosofii*, no. 8 (2001): 97–121. (In Russian)

Zabughin, V. «Т.М. Dostoievski e l'idea slava». *Rassegna italiana politica letteraria e artistica IX* (1922): 227–232.